

Научная статья**УДК 314.7**<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.2>

EDN AMZNEA

Постсоветские диаспоры Юга России: между мигрантофобией и гражданской интеграцией*¹**Андрей В. Бедрик**¹¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: avbedrik@sfedu.ru**Галина И. Чикарова**²²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: chikarova@sfedu.ru**Аннотация**

Введение. В постсоветский период миграционные волны существенно изменили демографический облик Юга России. Сегодня Юг России – мультикультурный и миграционно насыщенный регион, в котором пересечение культур может приводить как к интеграции, так и к межэтническим напряжениям. Средства массовой информации играют важную роль в формировании общественного восприятия мигрантов, особенно в отношении постсоветских диаспор. Цель статьи – выявить специфику восприятия миграции в регионах Юга России.

Методы. Положения статьи основываются на анализе стилистики и тональности освещения миграционных вопросов в российских СМИ.

Результаты исследования. В отношении постсоветских диаспор на Юге России сохраняются устойчивые этнофобии, которые усиливаются медийной риторикой. Выделено несколько образов, которые транслирует медиа: образ «преступника», «конкурент за ресурсы», «культурный чужак», образ «жертвы». Высокий уровень ксенофобии и отрицательное отношение к мигрантам в обществе требуют реализации ключевых шагов на пути к гармоничному сосуществованию народов, среди которых программы интеграции, сбалансированное освещение в СМИ и развитие мультикультурных диалогов.

Ключевые слова: миграция; постсоветские диаспоры; мигрантофобия; этнофобия; миграционная политика; Юг России.

Для цитирования: Бедрик А.В., Чикарова Г.И. (2024). Постсоветские диаспоры Юга России: между мигрантофобией и гражданской интеграцией. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), С. 23-30. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.2>.

**Post-Soviet Diasporas of Southern Russia:
between migrant phobia and civic integration*²****Andrey V. Bedrik**¹¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: avbedrik@sfedu.ru**Galina I. Chikarova**²²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: chikarova@sfedu.ru

*Статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда №23-28-01721 «Диаспорные институты в интеграции и дезинтеграции полиэтнического сообщества Юга России».

² The article was carried out within the framework of the project of the Russian Scientific Foundation №23-28-01721 «Diaspora institutions in the integration and disintegration of the multiethnic community of the South of Russia».

Abstract

Introduction. In the post-Soviet period, migration waves significantly changed the demographic appearance of Southern Russia. Today the South of Russia is a multicultural and migration-saturated region in which the intersection of cultures can lead to both integration and interethnic tensions. The mass media play an important role in shaping the public perception of migrants, especially in relation to post-Soviet diasporas. The purpose of the study is to identify the specifics of the perception of migration in the regions of Southern Russia.

Methods. The article is based on the analysis of the style and tone of coverage of migration issues in the Russian media.

The results of the study. Persistent ethnophobia in relation to the post-Soviet diasporas exists in the South of Russia. It is reinforced by media rhetoric. There are several images that are broadcast by the media: the image of a "criminal", "competitor for resources", "cultural outsider", the image of a "victim". The high level of xenophobia and negative attitude towards migrants in the society require the implementation of key steps towards the harmonious coexistence of peoples, including: integration programs, balanced media coverage and the development of multicultural dialogues.

Key words: migration; post-Soviet diasporas; migrant phobia; ethnophobia; migration policy; South of Russia.

For citation: Bedrik A.V., Chikarova G.I. (2024). Post-Soviet Diasporas of Southern Russia: between migrant phobia and civic integration. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), P. 23–30. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.2>.

Введение

Вопросы межэтнических отношений становятся все более значимыми в современном мире, особенно в регионах с высоким уровнем миграции. Юг России, как мультикультурный и миграционно насыщенный регион, является ярким примером зоны, где пересечение культур может приводить как к интеграции, так и к межэтническим напряжениям. Миграция в постсоветский период усилила этническое разнообразие в регионе, что сделало взаимодействие различных групп населения критически важным для социальной стабильности.

Фактор миграции играет двоякую роль в межэтнических отношениях. С одной стороны, он способствует культурному обогащению, экономическому развитию и решению демографических проблем. С другой стороны, рост численности мигрантов вызывает опасения в части общества, что усиливает мигрантофобию, порождает стереотипы и конфликты. В условиях глобализации и текущей геополитической обстановки, включая СВО, необходимость разработки эффективных программ интеграции становится приоритетной.

Исследования постсоветских миграций и их влияния на межэтнические отношения широко представлены в научной литературе. В трудах таких авторов, как В.А. Тишков (Миграция и межнациональные отношения..., 2019) и В.М. Кабузан (Эмиграция и реэмиграция в России..., 1998), анализируется историческая и социальная динамика миграционных процессов, в том числе роль постсоветской миграции. Работы социологов В.И. Мукомеля (Мукомель, 2005) и Ж.А. Зайончковской (Зайончковская, 2000) уделяют внимание адаптации и интеграции мигрантов. Однако большинство исследований фокусируются на проблемах Москвы и Центральной России, тогда как Юг России изучен недостаточно. В последние годы появился интерес к вопросам этнической сегрегации, мигрантофобии и роли СМИ в формировании образов мигрантов.

Работы А.В. Малашенко (Малашенко, 2004), Л.М. Дробижевой (Дробижева, 2016) и С.В. Рязанцева (Рязанцев, 2018) акцентируют внимание на роли миграции в формировании новых этнокультурных ландшафтов Юга России.

В статьях А.В. Малашенко рассматривается проблема ислама как культурного и социального фактора, влияющего на отношения мигрантов с коренным населением. Л.

М. Дробижева подчеркивает значимость социальных программ интеграции и изучает уровень ксенофобии в различных регионах. Рязанцев акцентирует внимание на экономических аспектах миграции, особенно на роли строительного сектора в трудовой занятости мигрантов.

Несмотря на значительный вклад, все еще остается недостаток систематизированных исследований о роли средств массовой информации в формировании образов мигрантов и о специфике восприятия миграции в регионах Юга России.

Миграционные волны

В постсоветский период миграционные волны существенно изменили демографический облик Юга России. В 1990-е годы массовая миграция началась с распада СССР и вооруженных конфликтов в республиках. На Юг России переезжали армяне (после Карабахского конфликта), азербайджанцы, молдаване, а также русские из стран Центральной Азии. К 2000-ым годам новая волна миграции была связана с масштабными стройками и спортивными мероприятиями, например, Олимпиадой в Сочи в 2014 г., чемпионатом мира по футболу в 2018 г. Значительное количество трудовых мигрантов прибыло из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана. Большинство приезжих сосредоточены в городах с развитой экономикой: Ростове-на-Дону, Краснодаре, Сочи. После пандемии наблюдается рост внутренней миграции, особенно в направлении крупных региональных центров Юга. Стоит отметить, что значимой остается трудовая миграция в строительный и сельскохозяйственный сектора (Комаровский, 2023).

В настоящее время продолжается прирост диаспор за счет трудовой миграции. В 2021 году, по данным переписи, представленной в Таблице 1, в Ростовской области проживало 86 тысяч армян и 12 тысяч азербайджанцев, в Краснодарском крае – свыше 200 тысяч армян, 8 тысяч азербайджанцев и около 4 тысяч узбеков, в Крыму и Севастополе на лидирующих позициях украинцы, армяне и азербайджанцы. В Республике Адыгея заметно выделяются диаспоры армян (14810) и азербайджанцев (2270). Армянская диаспора также превалирует в Ставропольском крае, однако интересно заметить, что среди всех перечисленных регионов именно в Ставрополье проживает наибольшее количество туркмен (15100).

Таблица 1.

Распределение национального состава на Юге России, Всероссийская перепись населения, 2021 г. (чел.)³

	Ростовская область	Краснодарский Край	Крым	Адыгея	Севастополь	Ставрополье
Армяне	86265	211132	7717	14810	1299	135384
Азербайджанцы	12083	8804	2729	2270	546	13996
Молдаване	1924	2010	1474	172	337	698
Узбеки	4313	4635	2476	693	351	4041
Таджики	4302	2946	671	864	203	1620
Кыргызы	2334	589	104	65	77	300
Туркмены	581	514	77	543	21	15100
Украинцы	26000	29317	14585	2810	25308	9895

³ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 15.11.2024).

			2			
--	--	--	---	--	--	--

Прирост украинской диаспоры в регионы Южной России в 1990-х и 2000-х годах обусловлен рядом факторов, включая экономические и политические изменения, а также последствия региональных конфликтов. Распад СССР и экономический кризис в независимой Украине привели к значительному увеличению миграционных потоков в Россию, особенно в соседние южные регионы. Основными причинами миграции стали экономическая нестабильность, сильные социальные связи и близость и общность языка. Масштабный спад промышленности, инфляция и безработица на Украине побуждали людей искать лучшие условия жизни в экономически более стабильной России. При этом миграцию украинцев в Южную Россию активно поддерживали культурные и семейные связи, исторически сложившиеся в приграничных регионах. Для украинцев Россия, особенно ее южные регионы, была культурно и языково близкой, что облегчало адаптацию.

В 2000-х годах миграционные процессы ускорились за счет усиливающихся экономических различий между странами. Несмотря на улучшение ситуации на Украине, экономическая привлекательность России оставалась выше, что стимулировало миграцию. Южные регионы России предоставляли работу в сельском хозяйстве, строительстве и промышленности, что привлекало украинских мигрантов. Также важно отметить в этот период наблюдался рост студенческой и научной миграции украинцев, а также семейных переселений. Эти волны миграции стали значимым явлением, изменившим структуру украинской диаспоры и ее интеграцию в полиэтнические социумы Южной России. Украинская миграция на Юг России усилилась после начала конфликта в 2014 году и особенно после событий 2022 года. Военные действия в Донецкой и Луганской областях привели к массовому притоку беженцев в Южную Россию. Россия активно принимала украинских переселенцев, предоставляя временное убежище, социальную поддержку и возможность получения гражданства. Этот приток усилил украинскую диаспору, изменил ее демографический состав и структуру, так как в нее вошло много людей из приграничных районов с глубокими этнокультурными связями с Россией.

Этнофобии в медиапространстве

В отношении постсоветских диаспор на Юге России сохраняются устойчивые этнофобии. Этнофобия, или страх и враждебность по отношению к представителям других этнических групп, представляет собой сложное явление, которое часто возникает на основе исторических, культурных или социальных предубеждений. В контексте постсоветского пространства этнофобии приобрели особую значимость в связи с распадом СССР, который разрушил прежние модели межэтнического взаимодействия и обострил чувство национальной идентичности. Основой этнофобий служат стереотипы и негативные установки, которые формируются на фоне конкуренции за ресурсы, политических противоречий и социальных изменений.

На практике этнофобии проявляются в форме дискриминации, стигматизации или культурного исключения. Например, мигранты из Средней Азии или Кавказа в постсоветской России часто сталкиваются с предвзятым отношением на бытовом уровне, а также в медиапространстве, где их образ может быть представлен через призму угрозы безопасности или социальной стабильности. Также у людей возникают негативные ассоциации с радикальным исламом. В общественном сознании мусульманские мигранты и представители кавказских народов начали восприниматься как потенциальная угроза безопасности, что усилило предвзятое отношение к этим группам. Ислам в целом, даже его традиционные или умеренные формы, часто подвергается стигматизации, а мусульманская одежда, такие как хиджабы, становится символом «чужеродности» и вызывает общественную настороженность.

Эта этнофобия усиливается медийной риторикой, где любые упоминания о террористической активности часто сопровождаются акцентом на этническом или религиозном происхождении преступников. Например, в дискуссиях о терроризме

кавказские или центральноазиатские фамилии террористов часто становятся объектом особого внимания, что формирует у общественности связь между этнической принадлежностью, религией и насилием. Особенно остро такие настроения проявились после крупных терактов, таких как захват школы в Беслане (2004 г.) и взрывы в московском метро (2010 г.), события в «Крокус Сити Холле» (2024 г.).

Как уже упоминалось ранее, средства массовой информации играют важную роль в формировании общественного восприятия мигрантов, особенно в отношении постсоветских диаспор. Журналистика задает тон общественному диалогу о миграции, определяя, будут ли мигранты восприниматься как позитивный ресурс или как угроза. В России медиа-сфера часто демонстрирует предвзятость в освещении миграционных вопросов, что значительно влияет на состояние межэтнических отношений.

Мигранты из стран бывшего СССР в российских СМИ часто изображаются через негативную призму. Можно выделить несколько образов, которые транслирует медиа. К первому образу относится образ «преступника». Это один из наиболее распространенных стереотипов, когда идет ассоциация мигрантов с криминальной средой. В новостных материалах о преступлениях часто акцентируется внимание на национальности подозреваемого, особенно если он является выходцем из Центральной Азии или Кавказа. Это усиливает восприятие мигрантов как потенциальной угрозы безопасности. Например, освещение случаев насилия, массовых драк, терактов или нелегальной деятельности, где журналисты подчеркивают этническое происхождение участников, создавая обобщение на всю диаспору.

Второй образ – это «конкурент за ресурсы», когда СМИ нередко изображают мигрантов как конкурентов местного населения за рабочие места, социальные услуги и ресурсы. Такие материалы вызывают чувство несправедливости и усиливают антагонизм. Например, статьи и сюжеты о мигрантах, работающих за более низкую зарплату, акцентируют внимание на экономической ущербности для местных работников.

Третий образ – это «культурный чужак». Еще один популярный медийный образ – мигрант как человек, который не интегрируется в российское общество, сохраняет свои обычаи, отгораживается от местных жителей. Это подогревает страх перед «этническими гетто» и усиливает культурные барьеры.

К четвертому образу можно отнести образ «жертвы». Это альтернативный, но менее распространенный образ мигранта в СМИ – человек, находящийся в уязвимом положении. Его эксплуатируют на работе, лишают прав, подвергают дискриминации. Однако даже в этом случае акцент делается на его беспомощности, что не способствует развитию уважительного восприятия.

Современное российское общество относится к миграции неоднозначно. За последний год стало заметно, что теракт в «Крокус Сити Холле» прервал долгосрочную тенденцию улучшения отношения к мигрантам. В настоящее время отношение к мигрантам остается сложным и неоднозначным, сильно зависящим от конкретных событий и криминальных инцидентов с их участием.

В регионах Юга России, с их исторической традицией многоэтничности, отношение к мигрантам, как правило, более терпимое. Однако и здесь существуют опасения по поводу роста криминала и культурной несовместимости (Аствацатурова, 2002, 67-69). Если говорить про специфику миграции в условиях СВО, то она заключается в усилении потоков вынужденных переселенцев из Украины, что вызывает дополнительное напряжение в регионах.

Механизмы регулирования миграционной политики

С учетом негативной повестки в миграционной тематике, связанной с социальной напряженностью, экономической конкуренцией и культурными разногласиями, необходимо рассмотреть механизмы регулирования миграционной политики. Интеграция мигрантов – это процесс включения мигрантов в экономическую,

социальную, культурную и политическую жизнь принимающего общества. В мире применяются различные модели интеграции, которые зависят от социального контекста, политических стратегий и культурных особенностей страны. Модель мультикультурализма, заключающаяся в сохранении мигрантами своей культурной идентичности при одновременном уважении норм принимающего общества, применялась в Канаде и в Австралии. Канадская политика мультикультурализма включает образовательные программы, поддержку этнических сообществ и предоставление равного доступа к экономическим ресурсам. Например, программа Language Instruction for Newcomers to Canada – LINC. В Австралии проводятся интеграционные курсы и ведется языковая поддержка и развиваются программы инклюзивности на всех уровнях.

Также существует модель ассимиляции, применяющаяся во Франции. Она заключается в том, что от мигрантов ожидается полная адаптация к культуре и нормам принимающего общества с отказом от элементов собственной культуры. Для этого во Франции осуществляются программы обучения французскому языку и ведется обязательное изучение истории Франции для новых граждан. Несмотря на активные усилия, модель часто подвергается критике за недостаток гибкости и конфликты в пригородных районах.

Швеции и Германии присуща интеграционная модель, которая направлена на создание баланса между сохранением культурной идентичности мигрантов и их участием в общественной жизни. Например, после миграционного кризиса 2015 года Германия внедрила обязательные интеграционные курсы, которые включают языковую подготовку, ознакомление с правами и обязанностями, а также помощь в трудоустройстве.

Сегрегационная модель присуща США. Она заключается в том, что мигранты живут обособленно и зачастую не получают какой-либо поддержки от государства. Так, в некоторых районах Соединенных Штатов крупные мигрантские общины остаются изолированными, поскольку программы интеграции носят децентрализованный характер.

Россия, несмотря на значительное количество мигрантов, не имеет разветвленной системы интеграционных программ, сопоставимой с вышеописанными моделями. Это связано с тем, что большинство программ в России носят фрагментарный характер и сосредоточены на контроле миграционных потоков, а не на интеграции мигрантов в принимающее общество. При этом основное внимание уделяется юридическим аспектам, а не социально-культурной или экономической интеграции (Варшавер, 2023, 380-381). Также важным аспектом является высокий уровень ксенофобии и отрицательное отношение к мигрантам в обществе, которые мешают реализации долгосрочных интеграционных программ. В связи с этим, России необходимо внедрять программы интеграции мигрантов, иначе страна может столкнуться с ростом социальной поляризации и ухудшением экономической ситуации. Для сохранения социальной стабильности необходимо работать над преодолением стереотипов и мигрантофобии. Программы интеграции, сбалансированное освещение в СМИ и развитие мультикультурных диалогов – ключевые шаги на пути к гармоничному сосуществованию. Юг России, с его историческим опытом сосуществования народов, может стать примером для всей страны в создании многонационального общества, основанного на доверии и взаимной выгоде.

Литература

Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион) / М.А. Аствацатурова. – Ростов-на-Дону-Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002. – 628 с.

- Варшавер, Е.А.* Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности / Е.А. Варшавер // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2023. – №2. – С.377-396. – DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396. – EDN: XICTAA.
- Дробижеева, Л.М.* Вариации адаптационного потенциала населения к растущему этническому многообразию / Л.М. Дробижеева // Россия реформирующаяся. – 2016. – №14. – С. 379-394. – EDN WBLZOL.
- Зайончковская, Ж.А.* Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы / Ж.А. Зайончковская // Проблемы прогнозирования. – 2000. – №4. – С. 1-15. – EDN HRTEFR.
- Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami.
- Комаровский, В.В.* Современные миграционные потоки на постсоветском пространстве / В.В. Комаровский // Социально-трудовые исследования. – 2023. – №1 (50). – С. 41-53. – DOI 10.34022/2658-3712-2023-50-1-41-53. – EDN ZPZOHG.
- Малашенко, А.В.* «Тень ислама над Европой» / А.В. Малашенко // Международная жизнь. – 2004. – № 9. – С.93-106.
- Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России / В. А. Тишков, В. В. Степанов, Н. А. Барышная [и др.]. – Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2019. – 340 с. – ISBN 978-5-4211-0243-4. – EDN XRISSQ.
- Мукомель, В.И.* Российские дискурсы о миграции / В.И. Мукомель // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2005. – №1. (75). – С. 48-57. – EDN НТМКЛР.
- Рязанцев, С.В.* Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы / С.В. Рязанцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2018. – Т. 26, № 4. – С. 718-729. – DOI 10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729. – EDN ZAQDFR.
- Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII - начале XX века / В.М. Кабузан; РАН. Ин-т рос. истории. – Москва: Наука, 1998. – 268 с.

References

- Astvatsaturova M.A.* Diasporas in the Russian Federation: formation and management (North Caucasus region). Rostov-on-Don-Pyatigorsk: SKAGGS Publishing House; 2002. 628 p. (In Russ.).
- Varshaver E.A.* Integration of migrants through the prism of a constructivist approach to ethnicity. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya=Bulletin of the RUDN. Series: Political Science.* 2023; 2:377-396. (In Russ.).
- Drobizheva L.M.* Variations of the adaptive potential of the population to the growing ethnic diversity. *Rossiya reformiruyushchayasya=Russia is reforming.* 2016; 14:379-394. (In Russ.).
- Zaionchkovskaya J.A.* Migration of the population of the USSR and Russia in the twentieth century: evolution through cataclysms. *Problemy prognozirovaniya =Problems of forecasting.* 2000; 4:1-15. (In Russ.).
- The results of the VPN 2020. Volume 5 National composition and language proficiency. [Electronic resource] // Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami. (In Russ.).
- Komarovsky V.V.* Modern migration flows in the post-Soviet space. *Social'no-trudovye issledovaniya=Social and labor research.* 2023; 1(50):41-53. DOI 10.34022/2658-3712-2023-50-1-41-53. (In Russ.).
- Malashenko A.V.* "The shadow of Islam over Europe". *Mezhdunarodnaya zhizn'=International life.* 2004; 9:93-106. (In Russ.).
- Migration and interethnic relations: a resource of public-public partnership in Russia / V. A. Tishkov, V. V. Stepanov, N. A. Baryshnaya [et al.]. Moscow: N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; 2019. 340 p. (In Russ.).

Mukomel V.I. Russian discourses on migration. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii=Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions.* 2005; 1:48-57. (In Russ.).

Ryazantsev S.V. Labor migration to Russia: myths and counterarguments. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika=Bulletin of the RUDN. Series: Economics.* 2018; 4:718-729. – DOI 10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729. (In Russ.).

Emigration and re-emigration in Russia in the XVIII - early XX century / V. M. Kabuzan; RAS. The Institute of Russian History. Moscow: Nauka, 1998. 268 p. (In Russ.).

Дата получения рукописи: 4.10.2024

Дата окончания рецензирования: 26.11.2024

Дата принятия к публикации: 27.11.2024

Информация об авторах

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: avbedrik@sfedu.ru

Чикарова Галина Игоревна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: chikarova@sfedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Bedrik Andrey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: avbedrik@sfedu.ru

Chikarova Galina Igorevna – Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: chikarova@sfedu.ru

The authors have no conflict of interests to declare